

18+

Рауфа Кариева

За Тем Рубежом

Рауфа Кариева
За Тем Рубежом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кариева Р.

За Тем Рубежом / Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Реальные люди. Реальные события. Я была их свидетелем. И делюсь своими свидетельствами со всеми, кто захочет прочесть мои рассказы. Пусть это было давно, ведь жизненный опыт, который дается нам при осмыслении событий своей или чужой жизни, из-за давности лет актуальности не утрачивает.

Содержание

Это совсем не смешно	6
Добрые призраки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Рауфа Кариева

За Тем Рубежом

Людам не дано знать навярняка, что – Там, за Чертой. И нас всех эта неизвестность и неопределенность страшит. Потому каждый из нас, даже если храбрится внешне, в душе все же робеет от мыслей о смерти. Да, страшновато, но я считаю, о смерти и потустороннем надо думать, размышлять, готовиться. Это важно. Она, смерть, есть, и все тут. Как ночь после дня. Как зима после лета. Привыкайте!

Это совсем не смешно

Люди боятся смерти. И на похоронах никому не бывает смешно. Однако у меня в памяти остались эпизоды, произошедшие во время похорон. И они были смешными.

Но смеяться никто не решился. Сдерживаются в таких случаях все – очень стараются.

Пришли мы как-то трудовым коллективом – попрощаться с умершей сослуживицей. Вошли в дом, в комнату, где стоял гроб с телом.

Лежит, помню, в гробу покойница – и как-то необычно выглядит. Мне сразу «резануло» взгляд – что-то не то.

Пригляделась я, задумалась – поняла, в чем дело. У покойницы вечерний – слишком яркий – макияж.

Это совсем не смешно.

Я знаю, что есть такая услуга в моргах – придать более приемлемый вид покойному человеку. Это нормальная и нужная услуга. Излишнюю бледность или синеву маскируют, или травмы – чтобы никто не пугался.

А тут – было именно «что-то не то».

Так бывает и у живых – утром рано женщины красятся впотьмах, потом на работу приходят – все от них шарахаются. Переборщили – это называется, слишком ярко накрались.

Покойницу, видимо, тоже в полумраке украшали.

Но рассмешил пришедших попрощаться с покойницей не сам факт ее яркого макияжа. Смешной была реплика родственницы покойной.

Возле гроба сидели две дамы.

Одна из них, видимо, очень близкая родственница – явно, что именно она заказывала услугу украшения лица покойной – то и дело наклонялась к ней и рассматривала макияж. Она даже делала движение рукой, как бы планировала растереть румяна, или губную помаду, но каждый раз одергивала руку – не решалась. Было видно, что ей не нравилось качество выполненного заказа.

А другая родственница, или подруга, наблюдала нервные движения первой дамы, несколько раз ее одергивала, а потом и сказала:

«Успокойся. Хватит нервничать. Она (то есть покойница) великолепно выглядит».

Я быстрым взглядом охватила всех присутствующих – все поджали губы. Хотели, видно, улыбнуться. Сдержались....

Комичные, но совсем не смешные, эпизоды вспоминаю также про своих соседей в Понедельевске. Когда они бабушку и маму свою хоронили. Дело было так.

У моей соседки Розы начала болеть старая мама. И Роза забрала ее к себе жить. Старуха была высокая и худая как жердь, строгая, суровая, и потрясающая матершинница. По национальности она была алатарка (это маленькая горная народность), но материлась по-русски. Интересным был факт, что ничего по-русски, кроме мата, бабка не знала.

Бабка эта вообще-то, до болезни, жила отдельно, в своей квартире, со своей внучкой от старшей дочери. Но дочь вторично вышла замуж и уехала в другую страну, а свою дочь Луизу – от первого брака с кухистанцем – оставила маме. Так как бабку из-за болезни взяла к себе младшая дочь Роза, то и Луиза теперь тоже переселилась в эту семью.

Внучка Луиза была девушкой слишком высокой, могучей, спортивной. Конечно, не очень красивой, из-за отсутствия нежности и плавности в движениях, но была она девушкой доброй, хозяйственной, самостоятельной, решительной. Училась в ПТУ на маляра. В школе она учиться весьма и весьма затруднялась – еле дождалась, когда смогла поступить в училище.

И вот в один день я узнала от соседей, что бабка скончалась. И с Розой на лестничной клетке парой слов перекинулась, поддержала ее морально.

Спустя некоторое время, когда я была дома, занималась домашними делами, в дверь позвонили. У порога стояла Луиза и пробасила мне вопрос-просьбу: «Тетя Ляля, у вас нет деревянной перекладины на ванну?»

Перекладину на ванну мы в те времена (да и сейчас у меня такая есть) ставили, чтобы водрузить на нее тазик и стирать в нем – не наклоняться. Конечно, у меня была такая перекладина. И я дала ее Луизе.

Я очень удивилась, что Луиза попросила у меня эту перекладину. Во-первых, когда в доме покойник, надо готовиться к похоронам, а не затевать стирку, а во-вторых, у Розы я видела точно такую же перекладину.

Через некоторое время я почувствовала, что мое удивление не проходит. Даже становится все интересней – что они там стирают?

И я пошла к соседям.

Двери – входные – в азиатских домах в те времена днем на ключ не закрывали. Можно было постучать и входить сразу же, крикнув только: «Есть кто? Можно войти?».

Так сделала и я, и застала в коридоре потрясающую картину. В этот момент Луиза выволакивала из ванной комнаты, держа за подмышки сзади, мокрую и голую мертвую бабушку.

Я обалдела от такого зрелища. И убежала домой.

Оказывается, это именно я была виновата в необычной купальной процедуре. Идея, как выяснилось, исходила от меня.

Еще когда утром Роза сообщила мне, что ее мама умерла и спросила, что делают в таком случае, я рассказала ей то, что знала сама по этому вопросу. А именно – следующее.

Муж Розы был кухистанец, и другого вероисповедания – у него не спросишь ничего. Родственники Розы и ее матери – все жили в другой, тоже горной стране. Поэтому первое, что я посоветовала – позвонить всем родственникам, и вызвать их сюда. Второе, что я сказала: надо обмыть покойницу, красиво одеть и уложить, а тем временем поехать и заказать гроб. На следующий день, предположила я, придут более взрослые родственники и разберутся, что делать дальше.

Ну не думала я, что мои слова поймут буквально. Роза сказала Луизе, что ей посоветовали покойницу вымыть, красиво одеть и уложить. Сказала, а сама спряталась в другой комнате.

И Луиза принялась за дело. Девушка она была решительная и очень сильная физически.

Так как Роза пряталась в другой комнате (боялась), поэтому и не смогла показать, где перекладина для ванны – она у нее хранилась на балконе. Луиза не растерялась и попросила перекладину у меня. Потом она бабушку раздела, приволокла в ванную, посадила на перекладину, над ванной, прислонила к стене, и вымыла под душем. Тщательно. С мылом, шампунем и мочалкой. Потом Луиза выволокла тело из ванны, протащила его по полу в коридоре до спальни – эту картину я и увидела. В комнате Луиза обтерла бабушку полотенцем, одела красиво и основательно – белье, платье, кофта, чулки, обвязала крест-накрест пуховым платком – бабка всегда при жизни так ходила – уложила ее в постель, и накрыла теплым одеялом – до подбора.

Когда через несколько часов я снова пришла к соседям, я и увидела бабушку, которая, полностью одетая, даже в туфлях, лежала под теплым одеялом в спальне.

Ну, никак я не предполагала, что мой совет – обмыть покойника, одеть и уложить его, будет воспринят настолько буквально. Я думала: все люди знают, что для обмывания покойников вызывают специальных людей – обмывальщиков. Они в определенном порядке, тряпочками, с молитвами, обмывают покойного, одевают, и укладывают на стол в главной комнате ногами к выходу. Потом, когда привезут гроб, умершего человека перекладывают в гроб.

Мои слова Луиза – по простоте и доброте душевной – выполнила буквально.

Совсем это было не смешно.

Но ведь комично...

Перекадину на ванну, взяв ее двумя пальчиками, я отнесла на мусорку, далеко за домом. И не переставала восхищаться мужеством Луизы. Не каждый человек в 16 лет – такой смелый, сильный и не суеверный.

Еще два комичных эпизода во время похорон, «организовали» мои родственники – дядя Ишбулат, и сестра бабушки тетя Поля.

В день похорон моей бабушки, в ее доме, я, как всегда, была одна. Даже если я подходила к группе своих родственников, они старались быстро от меня отмежеваться. Так что в компаниях людей я чаще всего не находилась, только в одиночестве.

Вошла я в комнату бабушки. У смертного одра стояла очередь – попрощаться. Все по очереди подходили к бабушке, смотрели ей в лицо – пристально, а потом держались по пол минуте за ее голую ступню.

Подошла и моя очередь. Мне заранее шепнули, что, взявшись за ступню, нужно мысленно попросить у покойной прощения. Так надо.

До дня похорон моей бабушки я уже присутствовала на похоронах двух своих дедушек. Но там ритуала с держанием за голую ступню никто не организовывал. Так что с таким прощанием я столкнулась впервые.

Впервые я дотронулась до мертвого человека. И это впечатление оказалось совершенно необычным и очень запоминающимся – я помню свое ощущение до сего дня. Это было очень странно – нога человеческая, а холодная как камень.

На кладбище я не поехала – на меня оставили двоих детей, их надо было отвезти домой и покормить.

Приехав домой, я нарыдалась всласть. Очень мне было страшно потерять родного человека, который всю жизнь по-настоящему хорошо ко мне относился. Также меня душило чувство вины, что бабушка провела последний год жизни – не как подобало такому достойному человеку, как она.

Ближе к вечеру с похорон вернулась моя мама. С порога она недовольно заявила, что очень сердита на своего старшего брата Ишбулата, за «балаган, который он устроил». И она рассказала, что именно в поведении брата ее оскорбило:

По дороге на кладбище, с покойной, в машине, находились самые близкие родственники бабушки – дети, сестры, снохи. Ехали молча, скорбно. И тут вдруг тишину нарушил Ишбулат. Он с серьезной миной на лице сказал: «Бедный папа». Пауза. «Пятнадцать лет спокойно спал». Пауза.

Все присутствующие напряглись, и было видно, что они делают попытку сдержать улыбки. Ведь все понимали, о чем речь. Все знали, как бабушка и дедушка скандалили, пока был жив дед.

Присутствующие кое-как вновь приняли скорбное выражение лица. Но Ишбулат продолжил: «Но сегодня, папа, твой покой будет нарушен. Вот, везем твою женушку к тебе».

В этот раз улыбки сдерживать никто не смог, однако быстро опять все постарались нормализовать настроение в соответствии с обстановкой – скорбно и молча, едем хоронить покойницу.

Но Ишбулат не уgomонился, несмотря на испепеляющие взгляды, которые бросала на него моя мама. Он изрек последнюю фразу: «Сегодня вечером поругаются». Все засмеялись.

Мама была очень возмущена поведением брата: «Где это видано, шутить на похоронах матери. Бессовестный. А ведь мама его любила больше всех! А он неблагодарный, шутил на ее похоронах!».

А я отвернулась, чтобы мама не увидела мою улыбку.

А какой «балаган» устроила на похоронах своего мужа тетя Поля, рассказала мне она сама.

Тетя Поля была самой младшей сестрой бабушки. Жила она в городе Сталевункерске, что расположен на берегу реки Идель.

Тетя Поля очень долго не могла выйти замуж. И наконец, когда ей было уже далеко за тридцать, к ней посватался немолодой человек. Его звали Абый. Замуж она вышла, и жила с ним неплохо, однако муж ее рано умер, даже не успев вырастить их единственного сына – тот еще даже в школу не пошел. Тетя Поля из так называемой старой девы, быстро пережив период замужества, превратилась в достаточно молодую вдову с ребенком.

Муж тети Поли был из местного населения Иделья, имел большую, ортодоксальную, верующую семью, был членом огромного клана с патриархальным укладом мышления. Почти все его родственники жили в деревнях, и строго соблюдали законы своего народа. А тетя Поля всю жизнь жила в городе, и даже со своей родней, будучи той же национальности, что и ее муж, общалась мало, обычаев не соблюдала, и вообще, была почти что Человеком Мира. Без каких бы то ни было условностей.

Когда умер Абый, к тете Поле пришли его коллеги из научно-исследовательского института, где тот заведовал отделом, и предложили взять организацию похорон на себя. Тетя Поля согласилась. И не вникла в детали.

На похороны своего уважаемого родственника собралась вся родня из ближайших деревень – верующие люди, воспитанные строго по законам своей веры.

На улице Чапаева, во дворе, где жила тетя Поля, яблоку некуда было упасть – столько людей собралось проводить в путь уважаемого человека.

Ближе к покойному и тете Поле подошли родственники, собрались провожать тело. И в этот момент, внезапно, дислоцированный в другом конце двора оркестр, заиграл похоронный марш. Столь резкий и громкий звук вызвал напряжение у всех людей, но что произошло с родней мужа – тетя Поля рассказывала мне – было непередаваемо. Эти люди в деревнях хоронили покойников по законам своей веры, в тишине. А тут вдруг такая музыка. Они все перепугались, и часть из них просто спасалась бегством. А какие у них были удивленные глаза – про это тетя Поля рассказывала мне даже с улыбкой, но и с горечью.

Прошло почти тридцать лет, а тетя Поля до сих пор стыдилась этого эпизода. Она говорила мне, что вроде и смех, но сквозь слезы – так она напугала родню умершего мужа, пренебрегла законами своего народа, которые надо соблюдать при похоронах. Конечно, она сама оркестр не заказывала, но ведь она с удовольствием передала хлопоты по организации похорон коллегам мужа, и не проверила, не будет ли каких-то фактов, которые могут шокировать родню.

А родня была шокирована. И осуждала сноху – не обратилась к ним за помощью в организации похорон, не соблюла законы веры, да еще и устроила концерт на похоронах – с оркестром из не менее трех десятков труб и барабанов.

Тетя Поля говорила, что ей очень стыдно. И в то же время смешно вспомнить, как некоторые родственники в испуге убегали.

Я тоже улыбалась, пока слушала рассказ своей двоюродной бабушки. Действительно, и смех, и слезы.

Уже 15 лет, как нет с нами тети Поли. А я скучаю.

Добрые призраки

1993–1995 годы. Огромный, холодный, богатый, торговый и промышленный город на Волге – Ветроволжск (прежнее название Сталевбункерск). Там постоянно дует ветер с Волги. Видимо, поэтому город получил такое название.

С промежутком в несколько месяцев, один за другим, умерли супруги-старики, у которых я снимала жилье.

Мне идти пока было некуда, и я зимовала в этом доме, с разрешения детей стариков. Вернее, жила я в летнем домике в конце огорода. А старики – пока были живы – жили в своем доме.

Когда старики умерли, их дети этот дом закрыли. Мне надо было от калитки проходить мимо хозяйского дома – с темными таинственными окнами, потом идти через двор, застроенный хозяйственными постройками, мимо бани, туалета, свинарника, дровников – по направлению к огороду. Там и стоял домик, где я жила с дочкой.

Ходить было жутковато. Два покойника подряд в одном доме. Темнеет рано, всюду тенища, фонарей нет. Холодно. Страшно.

Пока старики были живы, мы были дружны. Очень душевные попались мне хозяева, сдавшие жилье. Добрые и порядочные. Сердобольная симпатичная тетя Даша. Хозяйственная, улыбчивая, хлебосольная. И очень веселый дед – дядя Коля. Любил побалагурить, подшутить, посмеяться.

Тетя Даша просыпалась на заре. Пекла пирожки размером с мужскую туфлю каждый.

Положит, бывало, два таких пирожка на тарелку, наденет валенки на босу ногу, и идет ко мне через весь двор – угостить. На завтрак.

Я двери в своем жилье не закрывала. Старикам это нравилось – у них было впечатление, что живет у них не чужой человек, а родной. В мое отсутствие они печку протапливали, следили за трубами. Пока я на работе – приглядывали за моей маленькой дочкой.

Обычным делом было такое – я еще сплю, а слышу сквозь сон – входная дверь открывается. Слышу, как валенки один об один снимаются и со стуком падают на пол. Затем на стол в кухне ставится тарелка с пирожками. Затем слышу, как тяжелая поступь босых ног тяжелой полноватой женщины, всю жизнь занимавшейся крестьянским трудом, приближается ко мне.

Возле кровати моей стояло кресло. Как только босая поступь приближалась к моей кровати, следующим звуком было усаживание, более похожее на падение, тети Даши в это кресло. Я открывала глаза, и мы, поздоровавшись, начинали разговаривать «о том – о сем». Как добрые друзья, как по-настоящему родные люди.

Вскоре я вышла замуж, и тетя Даша приходила по утрам, только, когда мой муж был в отъезде, или когда я болела, оставалась дома – она дожидалась, когда мой муж уезжал, и тогда приходила меня навестить.

Когда тетя Даша умерла, внезапно, скоропостижно, я настолько горевала, что мой муж злился. Кто она тебе? – спрашивал он. Просто квартирная хозяйка, а ты даже похудела от горя. Дура. Вскоре после этого разговора мой муж от меня ушел (обокрал и бросил).

Да, я горевала по тете Даше. Очень уж хороший человек встретился мне на жизненном пути, а пообщаться подольше не довелось. И то – за небольшой промежуток времени – она успела мне так много тепла душевного и хорошего отношения подарить, что трудно мне было не горевать из-за ее ухода. К тому же, видимо, я предчувствовала, как тяжело мне придется жить без нее в ее доме.

Прошло некоторое время после смерти тети Даши. Сплю я ранним-ранним утром в своей постели, и вдруг слышу – открывается входная дверь. Ставится тарелка на стол, грохаются на

пол валенки. Я похолодела. Уже точно проснувшись, и вспомнив, что тети Даши уже нет в числе живых людей, я застыла от удивления. Кто это?

Тяжелая поступь босых ног направилась ко мне, к моей постели. Тут меня сковал страх, я зажмурилась и плотно закуталась в одеяло. Кто-то подошел к кровати, посмотрел на меня, наклонившись, что я даже услышала его дыхание, и затем плюхнулся в кресло, стоящее рядом. Ну, точно так же, как это делала тетя Даша.

Я боялась пошевелиться. Кто это? Но тут я поняла – не только по походке, но и по запаху, манере дышать и шмыгать, что это была именно она – тетя Даша, и никто другой. Я открыла глаза – кресло было пустым. Сердце заныло – я надеялась увидеть ее, родного такого человека. Пусть даже ее призрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.